

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Житие лейтенанта Зуева. Часть 10: Женский заговор

К очередному приему командиром работников части по личным вопросам почтальон выложил на стол Зуева конверты, где была пометка «Лично командиру части». У него уже сложилась практика начинать работу с подчиненными за час до объявленного времени, в течение которого он быстро пробежал глазами по строкам писем лично ему адресованные. В одном из них жена бывшего начальника склада майора Лукьянова Наталья Ивановна жаловалась на жену мичмана Бабенко тоже Наталью Ивановну. «Что за чушь?» — подумал Зуев, «Что может быть общего между двумя этими женщинами?» — подумал он и решил уточнить у первой же женщины, записанной на прием. Ею была Наталья Привезенцева, жена начальника хранения красок и растворителей (в том числе и спирта), который получал мичман Бабенко. Эта Наташа работала в части Зуева начальником караула, женщина очень активная, любящая петь, танцевать и вообще всячески демонстрировать свои женские прелести. И еще поговаривали, что она про всех знает все...

«Вот сейчас я и спрошу эту всезнайку», — подумал Зуев, заметив появившуюся в дверях Наталью.

— Здравствуйте, Наташа. Проходите. Рад вас видеть веселой и здоровой. С чем вы ко мне пожаловали?

— Федор Федорович! Ваш Бабенко самовольно переставил меня в списке по вспашке огородов на предпоследнее место, а свою Наталью поставил первой.

— А как было в списке, утвержденном месткомом? — улыбнулся Зуев.

— Я стояла первой, а Наташа Бабенко второй...

— Хорошо, Наташенька. Я приму меры и справедливость будет восстановлена. Но, как говорится, приоткройте мне правду на взаимоотношения Натальи Ивановны Лукьяновой (жены бывшего нашего начальника) с женой мичмана Бабенко тоже Натальи Ивановны, нашего главбуха. Вот первая Наташа жалуется на вторую, что та не пишет и прекратила возвращать долги. Вы не поясните мне, о чем идет речь?

— Федор Федорович! Мне, лучшей подруги этих Наташ, и не знать? Но это долгий разговор. Послезавтра у меня день рождения, а завтра с 14 до 17—00 я буду в поселке Тихоокеанском, мне надо кое — что купить. Мы можем там встретиться у моей подруги, и я вам все расскажу... Это длинный разговор, не требующий свидетелей. Идет?

— Постараюсь. Адресочек подруги дадите?

— Конечно! — улыбнулась Наталья, передавая начальнику копию визитной карточки известной всему поселку стоматолога.

— С помощью этого листочка можно отпроситься с работы, — пояснила Наташа, насмешливо улыбаясь.

«Умная, однако же. Мою мысль угадала, — мило улыбнулся Зуев и отпустил женщину. На следующий день с 14—00 до 16—00 было совещание у начальника службы в тыле базы. В 15—00 Зуев отпросился у начальника под предлогом посещения врача и отправился на квартиру стоматолога. Когда, на его звонок, послышались за дверью шлепающие шаги, и в открытом проеме двери появилось миловидное лицо мадам Суриковой, пятидесятилетней женщины, с которой он два года просидел за одним столом «Вечернего университета марксизма-ленинизма», где миловидная врачиха, втихаря, его щипала под столом за

коленку, давая понять, что ей требуется шпаргалка по тому или иному вопросу. Он чувствовал, что, именно, в таких женщин надо влюбляться. Она при этом так мило улыбалась, что молодой офицер не в силах был ей отказать.

— А, Федор Федорович, собственной персоной? Какими судьбами? — закудаhtала врачаха, но вышедшая в коридор Наташа, пояснила: «Это ко мне...».

— Ну, тогда я к Зиночке схожу. Давно обещала, — понятливо кивнула врачаха и ушла одеваться.

— Проходите, Федор Федорович и чувствуйте себя как дома. Алла Николаевна моя давняя подруга и она все поймет правильно...

Зуев вытащил из дипломата бутылку коньяка и поставил на стол.

— А рюмочки найдутся? — машинально спросил он.

— О-О-О! Молодой человек истинный джентльмен, — Наташа подошла к серванту и принесла три хрустальные рюмки, нарезанный лимон и три пирожных из холодильника.

— Наташенька. Я весь внимание, — сказал офицер, разливая коньяк.

— Вас, наверняка интересует тема, откуда я знаю этих Наташ?

— Именно! Я замечал, что обе Натальи Ивановны весьма похожи друг на друга...

— Иначе и быть не могло. Они двоюродные сестры и родились в один день...

— А вам откуда это известно?

— В тот же день и я родилась, третья Наталья Ивановна...

— Подробнее, пожалуйста.

Наташа выпила коньячок, закусила лимоном и рассказала весьма интересную историю. Эти три Наташи родились одновременно в городе Спасске Приморского края. Там же пятью годами раньше родился и Николай Иванович Лукьянов, будущий муж той Натальи, которая родилась на полчаса раньше своей тезки. Закончив школу, Лукьянов поступил в пехотное училище и через три года командовал взводом, а три его знакомые Наташки закончили среднюю школу и поступили на курсы медицинских сестер. Лукьянов воевал на Халкин-Голе, а Наташек призвали в армию в качестве медицинских сестер. В Великую Отечественную войну Лукьянов и Наташки попали в действующую армию в войне с японцами, и все они встретились в знаменитом Порт-Артуре. Старшая из Наташек закрутила любовь с майором, на груди которого была пара орденов и несколько медалей. Ей нравился этот молчаливый майор, и она сделала все, чтобы уложить его в постель. Вскоре в Доме офицеров Порт-Артурского гарнизона группа военных чокалась бокалами и кричала «Горько». На этой свадьбе вторая Наташка шептала на ухо третьей, что она отомстит двоюродной сестре, отбившей у нее майора, и выйдет замуж за адмирала, начальника тыла военно-морской базы. Она была женщиной энергичной, в отличие от блондинки двоюродной сестры, это была жгучей брюнеткой с овальной выпуклости груди таких размеров, что это тут же замечали не только мужики, но и милые женщины, с той только разницей, что первые восхищались, а вторые ревновали. Бойцовские качества второй Натальи Ивановны оценил и контр-адмирал, начальник тыла базы, и вскоре Натали (так он ее называл) вдруг очутилась в постели адмирала. Она была страстной женщиной, и адмирал души в ней не чаял. Но когда открылась тайна о том, что Натали от него беременна, весь интерес к ней со стороны высокого начальника как-то сразу улетучился, так как женитьба на этой женщине не входила в планы адмирала, давно женатого человека, любящего жену и двоих сыновей, проживающих в Москве. Но чтобы как-то поэтичнее отмазаться от молодой, настойчивой женщины, адмирал

предложил ей брак с его адъютантом мичманом Бабенко, который был очарован не только заманчивой грудью будущей жены, но и притягательной игрой ягодиц, когда женщина шла впереди. Но первая же брачная ночь показала, что Натали более по душе длинный и толстый, а не короткий и тонкий, как у Бабенко. Став законной женой, Натали продолжала шептаться и над адмиралом, доставляя ему и себе весь притягательный спектр импровизированных сексуальных услуг. Наташа обожала секс сзади, стоя коленками на широком подоконнике окна адмиральского кабинета, во время обеденного перерыва. Она боготворила его большой член, и часто делала ему смачный минет, за что этот мужчина уже далеко не молодой, просто таял в ее крепких, почти мужских, объятиях.

Но война с Японией вскоре закончилась, наступила демобилизация войск. Под сокращение попали обе Наташи, и адмирал по возрасту, один мичман Бабенко остался, которого из ординарцев перевели начальником отдела хранения химического имущества. А когда настала очередь реформирования и складов, то Бабенко удачно переехал вместе со своим имуществом на объединенный склад тыла в поселке Смоляниново, где химический склад быстро выделили в самостоятельную административную единицу. Его полуграмотная Наталья Ивановна, будучи членом партии, была назначена главбухом, а Бабенко старшим содержанием отравляющих веществ, а впрочем, и остального химического имущества, т. к. других аналогичных должностей просто не было. Да и Зуев появился здесь почти случайно, назначенный на должность начальника химической лаборатории, которой фактически не было. Наталья Ивановна стала постоянной любовницей майора Лукьянова, что не мешало ей учить нравственности молодежь. А теперь Зуев, который был очень щепетильным в сексуальных делах на службе, искал себе хорошую, надежную любовницу, так как его Людмила была в положении. Зуев теперь объявил всем, что Людмила обещала родить ему сына к третьему октября, т. к. именно в этот день Зуев стал морским офицером. Но сексуальная энергия продолжала бушевать в молодом организме и требовала удовлетворения, чего не мог себе позволить командир части в своем подразделении, где женщины, порой, в этих вопросах бывали крайне легкомысленны и быстро обзаводились «друзьями». Вот и мадам Сурикова, несмотря на возраст, была миниатюрной, эрудированной женщиной, имеющей большой опыт в сексуальных делах, быстро усмотрела в глазах молодого офицера тоску по женскому телу и решила его выручить. Истая ленинградка, закончившая Первый медицинский институт, молодая, очаровательная женщина с милым округлым личиком, тонкой талией, с ладошками ребенка, но ногами стюардессы, решила приручить к себе молодого Зуева, несмотря на солидную разницу в возрасте. В этом ей оказала немалую помощь ее подруга Наташа, жена мичмана Привезенцева, которая считалась отличной поисковой псиной в вопросах половых отношений.

Единственное, чего потребовала Наташа у Суриковой, так это бесплатного лечения зубов у этой очаровательной врачихи, имеющей стоматологический кабинет на дому. Тут у нее лечились жены адмиралов за плату и сами адмиралы за сексуальные услуги, оказываемые красавице докторше. Когда некоторые завистливые жены упрекали ее в этом, то жизнерадостная докторша, мило улыбаясь, в ответ говорила, что «дружить и трахаться», намного милее, чем «любить и плакаться». И когда сегодня, Зуев увидел милую докторшу в платье, где декольте на груди, упиралось почти в пупок, разрезы в бедрах достигали пояса, а разрез на спине, начинаясь от шеи, заканчивался у пяток, то мужики просто немели от такого смелого фасона, бывшего не только по мозгам, а прямо и по яйцам. Вот и сегодня молодой

офицер был просто ошарашен, но успевший отметить не только красоту женщины, но и досаду, что у его Людмилы нет такого платья, в котором та была бы на офицерском балу ДОФа просто царицей бала. Увидев его замешательство, хитрая докторша, положив свои маленькие пальчики на его подрагивающие губы, тихо спросила: «Вам нравится?», он только утвердительно слегка кивнул головой, целуя ее ладошки.

— Где вы купили такое? — еле вымолвил он.

— Сама пошила...

— Вы и шить умеете?

— Конечно. Не только зубы удалять...

— Ах, простите, Алла Николаевна. Я же не знал, что у вас волшебные руки...

— А у меня и ноги такие же...

— Тоже умеют зубы рвать?

— Нет. Человеческие души...

— И мою тоже?

— Нет. Вашу они будут только любить. Вот посмотрите, они сами уже раздвигаются, — она взяла его за руку и положила его ладонь на свою ягодицу.

— Я был бы счастлив кое-чему поучиться у вас, обожаемая Аллочка, — прошептал он ей на ушко.

— Во! Это уже теплее...

— Один вопрос, если позволите?

— Валяй, командирнежная кожа, а руки, что у младенца: нежные и ласковые.

... Они сидели за столом уже только в одних трусах. Зуев разглядывал ее гибкое тело, на котором еще не было морщин и отвислой кожи. Это была идеальная женщина, подаренная ему самой Судьбой, — думал он, не подозревая о женском заговоре. Допив коньяк и убедившись, что его волшебные капли уже всосались в мозг, сделав его туманным и в мышцы, которые напряглись, словно натянутые струны, они чувствовали, что вот сейчас начнется самое главное, только каждый из них не понимал с чего надо начинать. Она оказалась более смышленной и включила магнитофон. Элвис Пресли ударил по струнам их душ своим волшебным «Ай лаф ю». Она подошла и села ему на колени, он обнял ее и стал раскачивать в такт волшебных слов песни. Затем он встал, поднял ее и понес в спальню, уложив на ту шикарную кровать, которую они купили с мужем, как только его назначили командиром на ракетный крейсер. Ей было интересно наблюдать как бы со стороны, словно все это происходило не с ней, а с посторонней женщиной, которая ей почему-то сильно нравилась. Он начал ее целовать, едва прикасаясь к ее губам, затем он прочертил ими мокрый след от шеи до пупка и вдруг поехал еще ниже к вратам Рая. Он раздвинул ее ноги, и вдруг она почувствовала, как его проворный язык щекочет ее клитор и ласкает половые губы. Она напряглась, словно передумала пускать его так глубоко, но было уже поздно мешать ему: он просто ел ее промежность, вызывая необыкновенное удовольствие, о котором она знала, но никогда не думала, что это будет до чертиков приятным.

— Что ты делаешь? — еле вымолвила она каким-то совсем не своим голосом.

— Я ем тебя...

— Прости, милый, я совсем забыла поставить на стол жареного гуся, — заволновалась она, но он только усмехнулся в ответ: «Гусь подождет. Он же жареный, а тут живое тело».

Она поняла, что он опередил ее. Она хотела научить его нежному, необыкновенному сексу, а

он, оказался хорошо осведомленным мальчиком по этой части, все энергичнее работая языком, явно провоцируя оргазм. И он оказался бурным и взаимным. Они так облили друг друга этой волшебной жидкостью, из которой рождаются дети, что дальше лежать на залитой кровати обоюдной спермой было просто невозможно. Он встал, взял ее на руки, как шаловливую девочку, и понес ее в ванную. Вода была еще теплой, и когда они сели в нее, то побежала через край. Тот час же кто-то снизу постучал по трубе центрального отопления. Она вскочила и бросилась убирать тряпкой воду с кафельного пола ванной комнаты, а он сидел на краю ее и таинственно улыбался.

— Хочешь, я покажу тебе, как волк дерет волчицу? — он поднял на нее усталые глаза.

— А ты сможешь?

— Постараюсь. Эх! Где наша не пропадала! А ну-ка, становись сюда в позу «Г», держись руками за край ванны и главное не пищать!... А то опять стучать будут...

— Есть, товарищ командир, — она шутливо козырнула и покорно выставила ему свой зад. Он тут же вдул ей своего молодца, натягивая ее зад на него при каждом встречном движении. Сначала он делал это очень медленно, она охала и ахала от необъяснимых чувств великого желания слиться с ним в единое живое существо, затем он, не вынимая члена, медленно вращал им в глубине ее тела, словно искал что-то. Она вдруг вздрогнула, поняв, что он нащупал ее самое сексуальное место, именно ту точку, от прикосновения к которой женщина испытывает максимальное наслаждение, сопровождая каждый качок мужчины нежными словами: мама, мамочка, давай же, сильнее, дуй, что есть силы... И он вдувал, работая, как поршень в глубине тела мотора, доводя ее почти до бесчувствия. Этот оргазм был сопровожден такими громкими взаимными криками, что они бросились зажимать друг другу рот.

— Ну, ты и даешь! — стала она отчитывать его, едва отдышавшись.

— Это я-то даю?! Я скорее беру, чем даю. А вот ты даешь на полную катушку..

— Ладно! Не придирайся по мелочам. Ты закончил?

— Я-то давно. А вот ты-то, как?

— Недолго музыка играла... Но, какая музыка! У меня такого оргазма не было уже лет десять. Я хотела тебя научить, а ты оказался вон каким подкованным. И кто же твой учитель?

— Известно, кто! Жена! Это она прошла в своем детдоме сразу после войны через огонь, воду и медные трубы. Недаром сам пан Калиневский об нее обжегся...

— Как это? — не поняла Алла.

— Очень просто. Он думал, что Людка еще девчонка неопытная, а оказалась королевой секса. Бурная была у нее молодость. Многих мужиков подпортила. А Калиневский своего «мальчика», чуть не сломал, в Находку в городскую больницу к знакомому врачу ездил, чтобы член спасти.

— Ну и как? Спас?

— Спас. Теперь опять за Людкой волочется, но та, слава богу, забеременела.

— От Калиневского?

— Дудки! От меня... Она так и сказала, что от чужого козла козленочка не хочет.

— А ты проверь, когда родит. Возьмите ДНК...

— У нас этот метод пока не внедрили. Говорят, что во Владивостоке уже делают.

— Будешь проверять?

— Нет! Я ей в этих делах верю...

... Прошло время и Людмила Андреевна Зуева родила мужу пацана в 4,5 кг к завтраку именно 3 октября 1995 — года. Сын был копией отца. И никакого ДНК не потребовалось. Вот что значит верная офицерская жена, хоть и гуляла, от души, но сына от своего мужа родила, который был очень рад этому событию.

Вот только семью Суриковых пять лет спустя постигло страшное горе. Их самолет Москва-Владивосток сделал вынужденную посадку вблизи Иркутска на не законченную шоссеиную дорогу. На улице было минус сорок. Связи с самолетом не было. Экипаж снарядил одного солдатика добраться до ближайшего жилья, а сами коротали время у костра. Там их и обнаружили спасатели пару суток спустя замерзшими у потухшего костра. Он держал жену на коленях, обнимая и укрывая шинелью, но мороз сделал свое подлое дело и унес их в вечность. В гарнизоне многие плакали, Зуева увезли в госпиталь с сердечным приступом. К чему бы это? — недоумевали сослуживцы, не зная, как он горячо любил эту замечательную женщину, с ладошками младенца.